

СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ

СОДЕРЖАНИЕ

КУРСКИЙ ВЫСТУП

Перед прощанием Сталин предупредил, что на меня возлагается новая задача, от успешного решения которой зависит многое. В Ставке Верховного Главнокомандования нас ознакомили с общим планом развития наступления на курском направлении. Ради этого и создавался новый фронт, который был назван Центральным. В его состав включались 21-я, 65-я общевойсковые и 16-я воздушная армии Донского фронта, 2-я танковая, 70-я армии и ряд частей и соединений из резерва Ставки.

Войскам нового фронта предстояло развернуться между Брянским и Воронежским фронтами, которые в это время продолжали наступление на курском и харьковском направлениях, и, взаимодействуя с Брянским фронтом, нанести глубокоохватывающий удар в общем направлении на Гомель, Смоленск, во фланг и тыл орловской группировке противника.

Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля. Но для того чтобы ее начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда.

Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку. Конечно, хотелось бы начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы с других участков и из глубины. Но в сложившейся обстановке перегруппировка войск была чрезвычайно затруднена. Правда, мне обещали всевозможную помощь.

Оставалось одно — быстрее вернуться под Сталинград и приступить к переброске войск, техники и тылов в райи он сосредоточения.

С первого же момента мы столкнулись с огромными трудностями. В нашем распоряжении была единственная однокорейная железная дорога, которую удалось восстановить к этому времени. Она, конечно, не могла справиться с переброской огромного количества войск. Планы перевозок трещали по всем швам. График движения нарушался. Заявки на эшелоны не удовлетворялись, а если и подавались составы, то оказывалось, что вагоны не приспособлены для перевозки личного состава и лошадей.

Наш доклад обо всех этих ненормальностях только ухудшил положение. Принять меры для ускорения переброски войск было поручено НКВД. Сотрудники этого наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестарались и произвели на местах такой нажим на железнодорожную администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого еще существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать смешанные соединения. Материальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались еще на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска - на другой. Эшелоны по несколько дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной

подачи вагонов 169 тыловых учреждений и частей так и оставались под Сталинградом. Снова пришлось обратиться в Ставку. Попросил предоставить железнодорожной администрации возможность самостоятельно руководить работой транспорта. Наша просьба была удовлетворена, последовало соответствующее указание. Но нам еще долго вместе с железнодорожниками пришлось разбираться, где и какие части выгружены.

А время шло. Больше задерживаться было нельзя. Оставив под Сталинградом своего заместителя - генерала Трубникова с группой офицеров, я со штабом и управлением фронта направился в район Ельца. Здесь мы развернули свой командный пункт.

Пока наводилась связь с уже прибывшими войсками, я с группой офицеров отправился в штаб Брянского фронта, к нашему соседу справа, с которым нам предстояло взаимодействовать. Командовал фронтом мой старый знакомый по службе в Забайкалье и по кампании на КВЖД в 1929 году - генерал М. А. Рейтер. Ехали долго, с трудом пробиваясь через снежные заносы. Тяжёлая дорога лишней раз напоминала, какие испытания ожидают наши войска еще до того, как они сойдутся с противником.

Соседи встретили нас очень тепло и с большой радостью. Им предстояло с 12 февраля перейти в наступление, и на действия нашего фронта они возлагали большие надежды. Ознакомившись с обстановкой на участке Рейтера и обсудив все вопросы взаимодействия войск на стыке фронтов, я вынужден был немедленно поставить задачи тем нашим войскам, которые уже выходили в район сосредоточения, чтобы при продвижении соседа вперёд не оголился его левый фланг.

Вернувшись на КП, мы своим коллективом приступили к изучению материалов, поступавших от всех видов разведки, и к ознакомлению с районом предстоящих действий войск. Положение оказалось значительно хуже, чем мы предполагали.

Район сосредоточения, только что освобождённый от противника, не был подготовлен и оборудован для приёма большой массы войск,- боевой техники и материальных средств. Работы по созданию баз, путей подвоза и организации тылов пришлось вести параллельно с подготовкой к наступлению.

Из железных дорог имелась только одна ветка Касторное-Курск с короткой рокадой Ливны-Мармыжи. Движение поездов по этой ветке в то время могло осуществляться только до станции Щигры. Непрерывная пурга усугубляла бездорожье. Снежные заносы были так велики, что для движения автотранспорта пришлось использовать в качестве грунтового пути железнодорожную насыпь на участке Золотухино - Будёновка.

Многочисленные колонны войск, грузовиков и боевых машин с большим трудом продвигались от станции выгрузки на запад по единственной автогужевой дороге Елец - Ливны - Золотухине. В связи с недостатком автомашин и лошадей солдаты вынуждены были нередко нести на себе станковые пулемёты, противотанковые ружья, а часто и миномёты. Артиллерия отстала от войск. С перевозкой боеприпасов было бы совсем плохо, если бы не помощь местных жителей: крестьяне на своих подводах подвозили снаряды от села к селу. Вообще жители только что освобождённых сел ничего не жалели,

чтобы помочь нам. Сами оставшись без крова, без запасов продовольствия, они старались приютить, обогреть солдат, делились с ними последним куском хлеба.

Большой отрыв тыловых частей и баз от района сосредоточения затруднял обеспечение действующих войск всем необходимым. После длительного и тяжёлого марша по занесённым снегом дорогам солдаты сильно уставали, а прибыв на место, не имели возможности нормально отдохнуть.

Все это в конечном итоге привело к тому, что войска вновь организованного Центрального фронта не смогли сосредоточиться в установленный срок. Начало наступления было перенесено на 25 февраля. К этому времени мы располагали частью войск 65-й армии и присланными из резерва Ставки 2-й танковой армией (которой предстояло еще собрать застрявшие в пути танки), 2-м кавалерийским корпусом, а также двумя лыжно-стрелковыми бригадами. Они и были развёрнуты на рубеже Чернь, Михайловна, Коньшевка, Макаровка общим протяжением 150 километров. 21-я армия все еще была на пути из Сталинграда к Ельцу, а передаваемая из резерва Ставки 70-я армия находилась на подходе к району сосредоточения.

Но делать нечего, пришлось начать наступление. 65-я армия, подчинив себе часть дивизий Брянского фронта, действовавших в нашей полосе, двинулась в направлении Михайловна, Лютеж; правее ее на Дмитровск должна была идти 70-я армия; левее - на Севск - 2-я танковая генерал-лейтенанта А. Г. Родина, а на левом фланге фронта на направлении Хутор Михайловский, Новгород-Северский наступала конно-стрелковая группа (2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя лыжно-стрелковыми бригадами и танковым полком) под командованием генерала В. В. Крюкова.

Наступление вначале развивалось успешно. 65-я армия, поддержанная справа частью сил 70-й армии, отбрасывая противника, достигла Комаричей и Лютежа, 2-я танковая армия овладела Середина-Будой, а конно-стрелковая группа, не встречая особенно сильного сопротивления, вырвалась еще дальше. Предчувствуя подвох со стороны врага, я приказал Крюкову остановиться и прочно закрепиться на рубеже Севска. Но неугомонного рубаку не так-то просто было унять в его порыве. Он уже достиг Десны у Новгород-Северского, мало заботясь о разведке на флангах.

Да, наши части далеко выдвинулись. А у соседей дела сложились иначе. Брянский фронт, перешедший в наступление ещё 12 февраля, потеснив противника местами до 30 километров, к концу февраля вынужден был остановиться на рубеже Новосиль, Малоархангельск, Рождественское. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с нами.

Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка, по-видимому, кое-что недоучла. К этому времени противник начал оправляться от нанесённых ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях и сам стал готовиться к контрнаступлению. В район Орла и южнее прибывали все новые и новые соединения, перебрасываемые противником из его вяземско-ржевской группировки. Партизаны и воздушная разведка

предупреждали о сосредоточении вражеских сил в районе Брянска и выдвигении их в сторону Севска. Войска противника стягивались и к северу от Рыльска и Шостки.

Все войска, которые у нас имелись, были втянуты в бои на образовавшемся к этому времени широком фронте. Противник явно опережал нас в сосредоточении и развёртывании сил. Наша 21-я армия только начала выгружаться в районе Ельца. Тылы застряли под Сталинградом. В войсках ощущался острый недостаток всего - продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов.

Не могу умолчать о нашем упущении в начале этой операции. Поспешность переброски войск в новый район помешала нам предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Забыли об этом и высшие органы, планировавшие операцию вновь созданного фронта. Все стремились к одному - как можно быстрее собрать войска. В результате прибывавшие соединения оказывались в тяжёлом положении - без дорог, без транспорта. Необходимые поправки пришлось вносить уже в процессе сосредоточения войск и в ходе боевых действий.

Я доложил Сталину, что в таких условиях войска фронта не смогут справиться с задачей. После этого задача фронту была изменена. Теперь мы должны были нанести удар на север в сторону Орла силами 21, 70 и 2-й танковой армий, чтобы во взаимодействии с войсками Брянского и левого крыла Западного фронта разгромить орловскую группировку противника. Но в той обстановке и эта операция не сулила успеха. Противник значительно превосходил нас в силах.

Мы переживали за нашу конно-стрелковую группу, на обоих флангах которой враг подозрительно накапливал войска. Повторяю Крюкову свой приказ: приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже реки Сев и удерживать Севск до подхода частей 65-й армии. Предупреждаю, чтобы вел усиленную разведку в северном и южном направлениях. Но Крюков уже ничего не успел сделать. Вырвавшуюся к Десне конно-стрелковую группу противник атаковал с фланга и тыла. С большим трудом она пробилась из окружения, в чем ей помогли подоспевшие на помощь части 2-й танковой и 65-й армий.

Чтобы остановить здесь противника, нам пришлось развернуть 65-ю армию на широком участке по восточному берегу реки Сев.

Радовало одно: успешное продвижение наших войск оказало серьёзную поддержку левому соседу - Воронежскому фронту, отвлекая значительные силы противника с его участка. 60-я армия соседа смогла продвинуться вперёд. То, что враг стянул против нас значительные силы, во многом облегчило положение Воронежского фронта, когда гитлеровцы перешли там в наступление.

Получив новую задачу, мы приступили к перегруппировке войск, сосредоточивая основные силы на орловском направлении - направлении главного удара. Сюда была нацелена и только что прибывшая из резерва Ставки 70-я армия. Она была сформирована из пограничников, отличных солдат, прекрасно подготовленных для ведения боя в любой

обстановке. Мы возлагали на эту армию большие надежды и направили ее на самый ответственный участок - на правый фланг, в стык с войсками Брянского фронта. Но действия пограничников были неудачны. Объяснялось это неопытностью старших командиров, впервые оказавшихся в столь сложной боевой обстановке. Соединения вводились в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней.

Возлагая ответственность за неудачные действия армии на ее командование и штаб, не могу снять вины с себя и со своего штаба: поспешно вводя армию в бой, мы поставили ей задачу, не проверив подготовку войск, не ознакомившись с их командным составом. Это послужило для меня уроком на будущее.

Как только выдалась возможность, я поехал к пограничникам. Добраться до них стоило большого труда. Пришлось использовать три способа передвижения: по дороге на машине, затем по просеке на санях, а километров пятнадцать мы с членом Военного совета фронта Телегиным прошли на лыжах.

Личное знакомство открыло глаза на многое. Мы убедились, что необходимо заменить командарма и усилить штаб армии более опытными офицерами. Приложили все усилия к тому, чтобы это было сделано поскорее: предстояли новые бои.

* * *

Между тем обстановка накалялась. Войска Брянского фронта, встретив сильное сопротивление противника, остановились на рубеже Новосиль, Архангельское, Рождественское и дальше продвинуться не смогли. По сообщению командующего фронтом Рейтера, враг настолько усилил свою орловскую группировку, что можно было ожидать контрудара каждую минуту. А штаб Воронежского фронта уже бил тревогу: противник перешел в наступление, ведет бои за Харьков, продвигается к Белгороду.

На нашем участке гитлеровцы сопротивлялись со все возрастающим упорством, бои принимали затяжной характер. У нас сохранялась еще надежда, что с вводом в бой 21-й армии нам удастся хотя бы немного потеснить противника. На большее рассчитывать было трудно... "Нет, все-таки наступать нам сейчас не время, только напрасно ослабляем свои силы..." - подумал я. В момент тяжёлых раздумий о перспективах наступления я получил приказание Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом. Оказывается, крупные неприятельские силы прорвались на харьковском и белгородском направлениях с угрозой продвижения на Курск.

Пришлось доложить в Ставку, что наше положение не улучшается, подход войск и тылов фронта затягивается, снабжение войск материальными средствами наладить не удаётся, а враг значительно усилил свою группировку против войск фронта. С уходом 21-й армии соотношение сил будет и вовсе не в нашу пользу.

Мой доклад возымел действие. Во второй половине марта Ставка приняла решение о нецелесообразности продолжать наступление на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом.

Центральный фронт получил задачу перейти к обороне, организовав ее на рубеже Городище, Малоархангельск, Троица, Лютеж, Коренево. Мы дополнительно получили 48-ю армию П. Л. Романенко, 13-ю армию Н. П. Пухова, перешедшую к нам из Брянского фронта вместе с участком, который она занимала, и 60-ю армию И. Д. Черняховского из Воронежского фронта, тоже с занимаемым ею участком. К этому времени оба наших соседа отбили вражеские удары и теперь, как и мы, находились в обороне.

* * *

Замысел немецко-фашистского командования ударами с севера - со стороны Орла и с юга - со стороны Белгорода окружить и уничтожить советские войска в районе Курска провалился. Но врагу ценой больших усилий удалось удержать в своих руках два важных выступа — один восточнее и юго-восточнее Орла, а второй восточнее и северо-восточнее Харькова. Между этими выступами, которые упорно оборонял противник, образовалась огромная Курская дуга, выдвинувшаяся до 200 километров на запад. Оборона этой дуги и была возложена на войска Центрального и Воронежского фронтов.

Командование, штаб и политическое управление фронта переключились на решение новых задач. Надо было создать оборону, непреодолимую для врага. Значит, она должна быть глубоко эшелонированной и прежде всего противотанковой. Наученные горьким опытом минувших боев, мы знали, что, предпринимая наступление, враг будет широко применять танки, а поэтому в первую очередь нужно готовиться к борьбе с ними.

Противнику не раз удавалось сравнительно легко прорывать нашу оборону. В частности, именно потому мы потеряли Харьков и Белгород. На мой взгляд, объяснялось это тем, что у нас не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Сказывалась и слабость нашей оперативной и стратегической разведки.

В результате противник имел возможность, отходя, создавать крупные группировки сил и наносить неожиданно контрудары, парировать которые нам было нечем. Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло врагу, прорвав фронт на узких участках, почти безнаказанно идти на окружение наших войск.

* * *

Для ознакомления с положением и нуждами фронта к нам из Москвы в апреле прибыли начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулёв, заместитель начальника Генерального штаба А. И. Антонов и Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии - начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, назначенный и нам членом Военного совета.

Московские товарищи находились у нас довольно продолжительное время, вникая в вопросы, относящиеся к состоянию войск, тылов - фронтовых и армейских (многие из них еще не были перевезены в районы расположения войск), интересовались проблемами оперативно-стратегического характера. Я поделился своими мыслями об организации обороны Курского выступа. Мне предложили изложить свои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. В записке давалась краткая оценка обстановки, сложившейся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения, касающиеся военных действий летом. Наиболее вероятным участком фронта, где противник попытается развернуть летом своё решающее наступление, будет Курская дуга. Здесь он постарается повторить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Этому способствует конфигурация фронта. То, что противник продолжает перебрасывать войска в районы Орла и Белгорода, выдаёт его намерение воспользоваться своим нависающим положением над нашими частями, расположенными на Курской дуге. В записке говорилось о настоятельной необходимости создания сильных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных восточнее Курской дуги, - они помогут отразить любой удар вражеских сил на этом направлении.

Так как в предстоящем сражении будет участвовать несколько фронтов, я коснулся в записке и некоторых вопросов руководства боевыми действиями.

Не беру на себя смелость утверждать, что эта служебная записка возымела свое действие. Возможно, сама общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге. Но весной 1943 года в тылу Центрального и Воронежского фронтов был организован новый, Резервный фронт (вскоре преобразованный в Степной военный округ, а затем — в Степной фронт). Все-таки, видимо, и наше предложение о создании надежных резервов за Курским выступом было учтено.

ВОССТАНОВЛЕННАЯ ЧАСТЬ ГЛАВЫ

Предпринимая столь грандиозную операцию, как глубокое окружение всей орловской группировки противника, Ставка допустила грубый просчёт, переоценив свои возможности и недооценив возможности врага. А тот, уже успев оправиться от нанесённых ему советскими войсками ударов на брянском и харьковском направлениях, сам готовился к нанесению здесь контрудара.

В этих условиях не могло быть и речи о выполнении войсками Центрального фронта первоначально поставленной ему задачи. После моего доклада по ВЧ Сталину задача была изменена. Но и она к этому времени и в той обстановке не сулила успеха. Противник явно превосходил наши силы.

В связи с усиливавшейся опасностью на левом фланге нашего фронта было отдано распоряжение коннострелковой группе генерала В.В. Крюкова приостановить продвижение на запад. Ей надлежало закрепиться в районе Севска и удерживать город до подхода частей 65-й армии, вместе с тем продолжать вести разведку в северном и южном

направлениях, где было обнаружено скопление крупных сил противника. Крюков нарушил приказ. Вышедшая к Десне коннострелковая бригада была атакована крупными вражескими силами во фланг и тыл и окружена. Она хотя и вырвалась из окружения, в чем ей помогли подоспевшие на помощь части 65-й армии и 2 ТА, но понесла тяжёлые потери. Самоволие и беспечность генерала Крюкова дорого нам обошлись: помимо значительных потерь в людях и лошадях в составе группы мы оставили Севск, крупный населённый и важный опорный пункт на реке Сев.

По данным, полученным от штаба Воронежского фронта, перешедший в наступление противник добился значительных успехов. Он сумел обойти Харьков и продвигался в направлении Белгорода.

Войска нашего фронта, достигнув с тяжёлыми боями рубежа Брянцево, Тросна, Лютеж и река Сев, вели упорные бои, которые приняли затяжной характер. У нас сохранилась еще надежда на то, что с помощью 21-й армии нам удастся немного потеснить противника. По всему было видно, что на большее рассчитывать мы не могли. Невольно пришлось задуматься над вопросом: неужели в Ставке не понимают, что при создавшейся обстановке и без расчёта на крупный успех мы только распыляем свои силы, и так уже порядком ослабленные? И тут поступает неожиданное решение Ставки: срочно направить 21-ю армию в район Обояни в распоряжение командующего Воронежским фронтом в связи с прорывом крупных неприятельских сил на харьковском и белгородском направлениях и угрозой развития немецких войск на Курск.

С чем же нам наступать? Ведь противнику и без того удалось достичь превосходства, а с уходом 21-й армии соотношение сил в его пользу еще больше возросло.

Я вынужден был доложить в Ставку о невозможности выполнить поставленную фронту задачу.

Во второй половине марта Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о нецелесообразности продолжения наступления на Орёл. Это решение было правильным. Все мы воспрянули духом, надеясь, что ошибки, допущенные Ставкой зимой и весной 1942 года, не повторятся.

Изучая обстановку, противника и предугадывая характер предстоящих сражений, я невольно задумывался над причинами многих поражений советских войск за прошедший период, в частности в операции, связанной с потерей Харькова и Белгорода. На мой взгляд, происходило это потому, что нашим Верховным Главнокомандованием при проведении наступательной или оборонительной операции не уделялось должного внимания своевременному созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. Не учитывались возможности противника и состояние своих войск. Желание превалировало над возможностями.

Совершенно неудовлетворительной оказалась наша глубокая оперативная да и стратегическая разведка.

Противник при отходе имел возможность создавать крупные группировки своих сил и наносить нам неожиданно контрудары, парировать которые было нечем.

Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло противнику после прорыва фронта на узких участках безнаказанно идти на глубокое окружение советских войск, а окружив, беспрепятственно уничтожать их.

Возникали еще и такие острые вопросы: “распределенческое” управление войсками, место начальника Генерального штаба, роль представителей Ставки...

В апреле для ознакомления с положением и нуждами фронта у нас побывали член ГКО Г.М. Маленков, начальник Тыла Красной Армии А.В. Хрулёв, заместитель начальника Генерального штаба А.И. Антонов. Вместе с ними прибыл первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко, назначенный к нам членом Военного совета.

Товарищи из Москвы находились у нас продолжительное время. Обсуждая с ними ряд вопросов, относящихся к состоянию войск, фронтовых и армейских тылов (многие из них еще не добрались до мест расположения своих соединений), поделился и тем, что особо волновало меня,

Перед отъездом они предложили изложить все мои соображения в служебной записке на имя Верховного Главнокомандующего, что я и сделал. Маленков обещал передать ее Сталину.

В записке кратко оценивалась обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-германского фронта в результате зимней кампании 1942/43 года, и высказывались некоторые предположения на лето 43-го. В ней отмечалось, что наиболее вероятным участком фронта, где противник летом 1943 года попытается развернуть свое решительное наступление, будет Курская дуга. Там он постарается совершить то, что ему не удалось зимой, но уже большими силами. Продолжающаяся переброска войск в район Орла и севернее подтверждает возможность таких намерений противника, а конфигурация фронта способствует их осуществлению. Я подчёркивал настоятельную необходимость создания мощных резервов Верховного Главнокомандования, расположенных в глубине (восточнее Курской дуги), для отражения удара крупных вражеских сил на курском направлении.

Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы управлять из центра, где сосредоточены все возможности для этого, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряженные моменты на фронте в Москве оставался один Верховный

Главкомандующий. В данном случае получалось “распределенческое” управление Фронтами, а не централизованное.

Я считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра – Ставкой Верховного Главкомандования и Генеральным штабом. Они же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб. Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов “направлений”, объединявших управление несколькими фронтами. Эти “направления” вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием - представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронта подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нёс никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, (который?) часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки - одно, а от ее представителя - другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главкомандующего при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало комфронт, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии командующему фронтом со стороны Ставки ВГК.

Упоминалось мной и о том, что при штабе фронта имелись от Генерального штаба так называемые направленные. Это были лица, чаще всего генералы, в обязанности которых входила всесторонняя и своевременная информация Генерального штаба о действиях войск фронта. Не достаточно ли их присутствия, чтобы информировать центр о действиях фронтов и контролировать их?

Вот эти вопросы были затронуты в моей служебной записке на имя Верховного Главкомандующего. Не беру на себя смелость утверждать, что мои предложения оказали своё влияние на последующие решения Ставки. Однако сложившаяся общая обстановка на фронтах требовала особого внимания к Курской дуге и принятия соответствующих мер. Именно этими соображениями я и руководствовался.

Используя все возможности, мы к началу сражения смогли довести численность стрелковых дивизий только до 4,5-5 тыс. и лишь отдельных - до 6-7 тыс. человек. В то же время (по вполне достоверным данным) в находившихся против нас вражеских дивизиях насчитывалось: в пехотных – 10-12 тыс., танковых – 15-16, моторизованных - 14 тыс. человек. Несмотря на большие потери, которые понесли немецкие войска в зимний период, фашистскому командованию удалось восполнить их.

А на фронте тучи все сгущались. В конце июля стали поступать данные о крупных передвижениях немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений и их выдвигении к переднему краю.

КРАХ “ЦИТАДЕЛИ”

С апреля в районе Курской дуги войска обеих сторон стали усиленно готовиться к летней кампании.

Наш КП располагался в Ельце. Этот крупный железнодорожный узел привлекал внимание противника и подвергался частым бомбардировкам. Уже поэтому место было неподходящее. В новой обстановке появилась необходимость перенести КП ближе к войскам. Поэтому мы перебрались в населённый пункт Свобода, севернее Курска. К этому времени заботами нашего штаба новый КП был полностью подготовлен и связан со всеми армиями и соединениями, а также с соседними фронтами справа и слева.

Характер действий противника и данные всех видов разведки все больше убеждали нас, что если немецко-фашистская армия вообще в состоянии в ближайшее время предпринять наступление с решительными целями, то это будет в районе Курской дуги. Конфигурация этого района способствовала применению излюбленного приёма немецкого командования - нанесению ударов под основание выступа по сходящимся направлениям (в данном случае на Курск). В случае удачи противник вышел бы в тыл Центрального и Воронежского фронтов и окружил около семи наших армий, оборонявшихся на Курской дуге. Непрерывающаяся переброска войск противника, особенно танков и артиллерии, из глубины в район Орловского выступа подтверждала наши предположения.

Как стало впоследствии известно из трофейных документов, немецкое командование, планируя операции на 1943 год, приняло решение в первую очередь разгромить советские войска, оборонявшиеся на Курской дуге. О том, какое значение оно придавало этой операции, получившей условное название “Цитадель”, видно из приказа Гитлера от 15 апреля 1943 года: “Я решил, как только позволят условия погоды, осуществить первое в этом году наступление “Цитадель”. Это наступление имеет решающее значение. Оно должно, дать нам инициативу на весну и лето”.

Но далеко не все немецкие генералы верили в успех наступления под Курском. На совещании у Гитлера 4 мая 1943 года командующий 9-й немецкой армией генерал-полковник Модель заявил: “Противник рассчитывает на наше наступление, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно следовать другой тактике, а еще лучше, если вообще отказаться от наступления”. Подобные же колебания проявили и командующие группами армий “Юг” и “Центр” фельдмаршалы Манштейн и Клюге.

Тем не менее, в целях восстановления пошатнувшегося авторитета Германии и предотвращения распада фашистского блока гитлеровское командование, пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, после длительной подготовки и неоднократных откладываний сроков решило начать наступление под Курском.

Советскому командованию удалось своевременно разгадать замыслы противника, предположительные направления основных его ударов и даже сроки перехода в наступление. Учитывая сложившуюся на фронте обстановку и намерения врага, Ставка приняла решение в оборонительной операции под Курском ослабить его ударные группировки, а потом перейти в наступление на всем южном участке фронта - от Смоленска до Таганрога. Не могу умолчать о том, что при обсуждении в Ставке предстоявшей операции (на этом совещании присутствовали и мы - командующие фронтами) были сторонники не ожидать наступления противника, а, наоборот, упредить удар. Ставка поступила правильно, не согласившись с этим предложением.

В соответствии с принятым Ставкой решением Центральному и Воронежскому фронтам были отданы указания о создании прочной обороны.

Наибольшую опасность мы у себя на Центральном фронте видели в основании Орловского выступа, нависавшем над нашим правым крылом. Поэтому было решено создать здесь наиболее плотную группировку сил. На этом же направлении предусматривалось расположить и основную часть фронтовых резервов.

Такое решение вытекало из следующих соображения. Наиболее выгодным для наступления противника являлось орловско-курское направление, и главный удар (на юг или юго-восток) нужно было ожидать именно здесь. Наступление немецко-фашистской ударной группировки на любом другом направлении не создавало особой угрозы, так как войска и средства усиления фронта, располагавшиеся против основания Орловского выступа, могли быть в любое время направлены для усиления опасного участка. В худшем случае это наступление могло привести только к вытеснению наших войск, оборонявшихся на Курской дуге, а не к их окружению и разгрому.

Принятое командованием Центрального фронта решение было одобрено Верховным Главнокомандующим, и войска приступили к организации обороны.

Против орловской группировки противника, нависавшей над нашим правым флангом, оборонялись соединения 48, 13 и 70-й армий на фронте от Городища до Брянцева протяжением 132 километра. Левее, на 174-километровом фронте от Брянцева до Коренева, занимали оборону войска 65-й и 60-й армий.

Как и всегда, я решил создать необходимые в любой обстановке резервы, поэтому 2-я танковая армия была выведена во второй эшелон, а во фронтовой резерв - 9-й и 19-й танковые корпуса и 17-й гвардейский стрелковый корпус, нацеленный на то, чтобы занять позиции в полосе 13-й армии, если в том будет необходимость.

О том, как мы старались создать высокую плотность войск на угрожаемом направлении, можно судить хотя бы по таким цифрам. Здесь в полосе протяжением 95 километров мы сосредоточили 58 процентов всех наших стрелковых дивизий, 70 процентов артиллерии и 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. На этом же направлении были расположены войска второго эшелона и фронтового резерва (танковая армия и два отдельных танковых корпуса). На остальные 211 километров фронта приходилось меньше половины нашей пехоты, треть артиллерии и меньше одной

пятой части танков. Это был, конечно, риск. Но мы сознательно шли на такую концентрацию сил, уверенные, что враг применит излюбленный свой метод — удар главными силами под основание выступа. Наша разведка и партизаны подтверждали, что мощная группировка вражеских войск создаётся именно на том направлении, где мы ожидали.

К разработке общего плана оборонительной операции фронта были привлечены командующие армиями: 48-й - генерал-лейтенант П. Л. Романенко, 13-й - генерал-лейтенант Н. П. Пухов, 70-й - генерал-лейтенант И. В. Галанин, сменивший к этому времени прежнего командарма, 65-й - генерал-лейтенант П. И. Батов, 60-й - генерал-лейтенант И. Д. Черняховский, 2-й танковой - генерал-лейтенант А. Г. Родин и 16-й воздушной - генерал-лейтенант С. И. Руденко. После утверждения плана началась работа конкретно на местности. В ней приняли деятельное участие командование фронта, политическое управление, командующие армиями и родами войск, начальники служб и начальник тыла.

Учитывая, что противник будет наносить удар безусловно крупными силами, командование фронта уже в конце марта в своих приказах и директивах дало войскам конкретные указания об оборудовании оборонительных рубежей. Начальник инженерных войск фронта генерал-майор А. М. Прошляков наметил детальный график и приложил много усилий, чтобы работы выполнялись в установленные сроки и с хорошим качеством. На этого энергичного и инициативного генерала можно было полностью положиться. Скромный, даже несколько застенчивый, он умел проявить и волю и непреклонную решимость. Глубокие знания и богатый практический опыт позволяли ему справляться с самыми сложными задачами. Заботливый и требовательный командир, чудесный товарищ, он пользовался всеобщей любовью. Работать с ним было приятно.

Планомерная подготовка обороны Курского выступа началась с апреля и продолжалась до самого вражеского наступления. Строительство укреплений главной полосы велось войсковыми частями. В сооружении второй и третьей полосы обороны, а также тыловых армейских и фронтовой полос наряду с войсками активно участвовало местное население.

Организуя эти работы, мы использовали опыт, накопившийся к этому времени. Все приказы и директивы командования фронта требовали создания прочной, глубоко эшелонированной, многополосной полевой обороны с максимальным развитием инженерных сооружений на всю ее оперативную глубину.

В начале предполагалось построить пять оборонительных полос общей глубиной 120-130 километров. Но затем глубина оборонительных полос на отдельных, наиболее важных, направлениях была увеличена до 150-190 километров.

За три месяца войска фронта оборудовали шесть основных оборонительных полос. Кроме того, были построены промежуточные рубежи и отсечные позиции, протянувшиеся на сотни километров. Ходы сообщения между траншеями строились с таким расчётом,

чтобы при необходимости они могли служить отсечными позициями. Батальонные узлы сопротивления, как правило, были подготовлены к круговой обороне.

Особое внимание уделялось прикрытию стыков, обеспечению манёвра артиллерии траекторией и колёсами, а также манёвра войск по фронту и из глубины.

Всего войсками фронта за апрель - июнь было отрыто до 5 тысяч километров траншей и ходов сообщения, установлено до 400 тысяч мин и фугасов. Только на участие 13-й и 70-й армий было выставлено 112 километров проволочных заграждений, из которых 10,7 километра - электризованных, и свыше 170 тысяч мин.

Располагая данными о том, что немецкое командование, готовясь к летнему наступлению, особые надежды возлагает на массированные удары своих танковых войск, оборону Курского выступа мы строили прежде всего как противотанковую, в расчёте на отражение ударов крупных танковых группировок противника. Приходилось учитывать и то, что противник собирается широко применять свои новые мощные танки “тигр” и самоходные орудия “фердинанд”. Мы подготовили сильные противотанковые рубежи с мощными опорными пунктами на наиболее опасных направлениях и максимально насытили их артиллерией.

К отражению вражеских танков решено было привлечь всю артиллерию фронта, в том числе и зенитную, сосредоточив ее основные силы в полосах обороны 13-й, частично 48-й и 70-й армий на направлении ожидаемого главного удара противника.

Для лучшей организации взаимодействия и удобства управления опорные пункты объединялись в противотанковые районы. К июлю на правом крыле фронта глубина противотанковой обороны достигла 30-35 километров. Только в полосе 13-й армии на главной полосе обороны насчитывалось 13 противотанковых районов, состоявших из 44 опорных пунктов; на второй полосе имелось 9 таких районов с 34 опорными пунктами, а на третьей полосе - 15 районов с 60 противотанковыми опорными пунктами.

Большое внимание было уделено созданию различного вида противотанковых заграждений. Перед передним краем и в глубине обороны на танкоопасных направлениях была подготовлена сплошная зона таких препятствий. Сюда входили минные поля, противотанковые рвы, надолбы, плотины для затопления местности, лесные завалы.

Хотя использование гвардейских миномётов – “катюш” для борьбы с танками инструкцией не предусматривалось, было решено и их привлечь к выполнению этой задачи. Чтобы найти наиболее эффективные способы применения реактивной артиллерии для отражения массированных танковых атак, с миномётчиками провели опытные стрельбы по макетам танков. Они показали высокий процент попаданий.

К борьбе с танками противника в случае их вклинения в нашу оборону мы готовили в дивизиях и армиях подвижные отряды заграждения, которые в ходе боя должны были выставять на пути вражеских танков мины, фугасы и переносные препятствия. Эти отряды состояли в дивизиях из одной-двух сапёрных рот, а в армиях - из инженерного батальона, усиленного автоматчиками. Им заранее указывались вероятные районы их действий.

Кроме отрядов заграждения в дивизиях, армиях и во фронте были созданы артиллерийские противотанковые резервы. В моем резерве находились три противотанковые артиллерийские бригады и два противотанковых артполка.

При создании обороны особое внимание уделялось организации системы огня. Огневые средства эшелонировались на всю армейскую глубину. Предусматривался маневр огнём и массирование его на угрожаемых направлениях. Для обеспечения простоты и надёжности управления огнём создавалась разветвлённая сеть наблюдательных пунктов с устойчивой связью.

При построении боевых порядков в ротных районах обороны мы в первую очередь руководствовались требованием создать непроницаемую огневую завесу. Исходя из условий местности, подразделения располагались в одном случае углом вперёд, в другом углом назад, что позволяло держать под обстрелом всю местность внутри батальонного района и вести фланкирующий и косопрямый огонь. Почти во всех батальонах был подготовлен заградительный и сосредоточенный огонь станковых пулемётов как перед передним краем, так и в глубине батальонных районов и полковых участков. Миномётные роты заранее пристреляли участки и рубежи. Расчёты противотанковых ружей располагались повзводно или отделениями на танкоопасных направлениях.

По такому же принципу строилась система огня пехотного оружия во второй и тыловой армейской оборонительных полосах. На участках, занятых войсками, эти рубежи по насыщенности огневыми средствами почти не уступали главной полосе. В тыловой полосе 13-й армии плотность огневых средств была даже выше, чем на главной полосе обороны.

На вероятных направлениях действий противника мы сосредоточили мощные артиллерийские группировки. Общая плотность артиллерии у нас составляла 35 стволов,, в том числе более 10 противотанковых орудий, на километр фронта, но в полосе обороны 13-й армии эта плотность была намного выше.

Наряду с оборонительными работами войска усиленно занимались боевой подготовкой. Не менее трети всех занятий проводилось в ночных условиях. Неутомимая учёба шла в штабах.

Противник собирался применить тяжёлые танки “тигр”, имевшие толстую броню и вооружённые 88-миллиметровой пушкой. Наши бойцы и командиры изучали тактико-технические данные этих машин, осваивали методы борьбы с ними. В каждой армии были оборудованы полигоны, где проводились боевые стрельбы по танкам-мишеням. Расчёты 45-миллиметровых пушек учились бить по гусеницам танков с близких дистанций. В результате систематических занятий удалось значительно повысить мастерство артиллеристов.

Боевая готовность артиллеристов проверялась прямо на позициях. Прибыв на наблюдательный пункт артиллерийского командира, проверяющий в соответствии с планом обороны сообщал, что в таком-то районе появился противник. Цели указывались на позициях гитлеровцев. Не проходило и минуты, как открывался меткий огонь. Я

неоднократно устраивал такую проверку и убедился, что артиллеристы поняли свою роль в предстоящем сражении и серьезно к нему готовятся.

В подготовке артиллерии и организации системы огня большая заслуга принадлежала неутомимому командующему артиллерией фронта генералу В. И. Казакову.

Политическое управление фронта под руководством генерал-майора С. Ф. Галаджева развернуло огромную работу, добиваясь сплочения подразделений, усиления активности партийных и комсомольских организаций, повышения боевой выучки, стойкости и чувства взаимной выручки, бережного отношения к оружию и боевой технике. Вся эта работа нацеливалась на дальнейшее укрепление морально-боевого духа бойцов и командиров.

Мы постоянно следили за качеством инженерного оборудования полос и позиций, организацией противотанковой обороны на важнейших направлениях. Я сам много раз выезжал в войска, осматривал укрепления, беседовал с людьми. Радовало, что бойцы и командиры были уверены в своих силах, в устойчивости построенной ими обороны. За их плечами был уже немалый опыт боев на этом рубеже в феврале - марте, когда они успешно отразили все атаки врага. Проверяя оборону в районе Поньрей, я спросил солдат одного из подразделений, как они оценивают свои оборонительные позиции. Бойцы единодушно заверили, что через их позиции противник не пройдет. И надо сказать, они сдержали своё обещание: все попытки гитлеровцев прорваться через Поньри потерпели крах.

Знакомясь с войсками 60-й армии, переданной нам из Воронежского фронта, я внимательно приглядывался к генералу И. Д. Черняховскому. Это был замечательный командующий. Молодой, культурный, жизнерадостный. Изумительный человек! Было видно, что в армии его очень любят. Это сразу бросается в глаза. Если к командарму подходят докладывать не с дрожью в голосе, а с улыбкой, то понимаешь, что он достиг многого. Командиры всех рангов остро чувствуют отношение старшего начальника, и, наверное, мечта каждого из нас - поставить себя так, чтобы люди о радостью выполняли все твои распоряжения. Вот этого Черняховский достиг (пожалуй, так же, как и командарм 65 П. И. Батов).

Хочу еще раз коснуться понятия "сработанность". Мне казалось, что с Черняховским каждому легко работать. Но вот член Военного совета армий А. И. Запорожец никак не мог найти с ним общий язык. Человек это был видный - старый большевик, герой гражданской войны. В своё время он хорошо воевал. Но переменялись времена, армия стала другой, а товарищ жил и работал по старинке. И начались у него стычки с молодым, растущим командармом. Как мы с К. Ф. Телегиным ни старались сгладить их отношения, ничего не вышло. Было видно, что это разные люди и дружной работы не получится. Пришлось доложить Верховному Главнокомандующему. Сталин выслушал, подумал немного и согласился:

- Да, их надо развести.

Через два дня Запорожец был отозван в Москву.

Напряжённая обстановка, ожидание ожесточённых боев вызвали законное беспокойство у некоторых товарищей; Из хороших побуждений - уберечь от лишнего риска людей, и без того много испытавших и только недавно вырванных из фашистской неволи, - они предлагали заранее эвакуировать население с территории Курской дуги. Мы с этим никак не могли согласиться. Эвакуация населения неизбежно отразилась бы на настроении войск. Солдаты строили укрепления, готовились любой ценой отстоять завоёванное. Делалось все для того, чтобы ни у кого и мысли не возникло о возможности отхода. Командный пункт, управление, штаб и тылы фронта располагались в центре Курской дуги. Мы принимали меры, чтобы все запасы, необходимые для ведения длительного боя, тоже были сосредоточены здесь. И если бы даже противнику удалось отрезать нас, мы смогли бы удержать Курский выступ. Население верило в наши силы и не думало об эвакуации. Ставка тоже поддержала нас. К чести курских товарищей, они сразу поняли, что мы правы. Мысль об эвакуации больше не возникала.

Много позже меня спрашивали: почему мы были так уверены, что отобьём врага?

Эта уверенность имела прочную основу. Выросли, обрели опыт наши командиры. Солдаты научились драться и побеждать. Страна все в больших масштабах обеспечивала нас новейшей техникой и оружием. Произошли важные перемены в организационной структуре войск. Появились крупные артиллерийские соединения - дивизии и корпуса - резервы Верховного Главнокомандования, что позволяло сосредоточивать большие массы артиллерии на нужных направлениях (этому способствовал и перевод орудий на механическую тягу). Сильнее стала наша авиация, оснащённая самыми современными по тем временам самолётами. Нет, теперь никакая вражеская сила не могла сломить нас!

Очень многое сделали для нас партизаны Брянщины и Белоруссии. С некоторыми их командирами мы были знакомы лично. Не забылись наши встречи летом 1942 года на КП Брянского фронта в районе Ефремова. После Московской конференции руководители партизанских отрядов и соединений собрались у нас, чтобы вместе с командованием фронта обсудить вопросы совместной работы. Здесь они познакомились с новыми образцами оружия, изготовленного специально для партизан. Среди этих товарищей были В. И. Козлов, С. А. Ковпак, А. Н. Сабуров и другие. Всех мы удачно перебросили через линию фронта в их партизанские районы. В те дни еще более окрепла наша дружба. Она помогала нам организовать взаимодействие между войсками и народными мстителями. С партизанскими штабами мы поддерживали постоянную связь. Оттуда к нам поступали сведения о передвижениях войск противника. Наблюдения нашей воздушной разведки перепроверялись и дополнялись партизанами. По их целеуказаниям авиация бомбила важные вражеские объекты. Со своей стороны мы по мере сил помогали народным мстителям: снабжали оружием, боеприпасами, медикаментами, вывозили раненых на Большую землю.

В штабе фронта в результате неослабного наблюдения за противником были собраны исчерпывающие сведения о том, что он сосредоточивает свои силы в районе Орловского выступа. А из штаба Воронежского фронта сообщали, что немецкие войска

подтягиваются и в Харьковско-Белгородский район. На основании этих данных можно было сделать вывод, что наши предположения верны: противник готовит наступательную операцию именно против Курского выступа и собирается нанести удары с двух направлений - орловского и белгородского.

В мае и июне сильно активизировалась немецкая авиация. Она совершала налёты на железнодорожные узлы, станции, мосты, стремилась помешать нам подвозить к фронту войска, технику, боеприпасы и горючее. По удалённым от фронта объектам эти удары наносились в ночное время группами по 20-25 самолетов. Днём ударам подвергались прифронтовые и фронтовые объекты. Здесь действовали небольшие группы бомбардировщиков под прикрытием истребителей, а иногда и одиночные самолёты.

Для борьбы с авиацией противника была привлечена вся 16-я воздушная армия генерала Руденко, успевшая перебазироваться под Курск, части авиации ПВО страны, фронтовая и армейская зенитная артиллерия. Завязалась настоящая борьба за господство в воздухе.

Противник упорно старался нарушить наши перевозки. Это еще более осложняло и без того трудные задачи тыла фронта. Начальник тыла генерал-майор Н. А. Антипенко - умелый организатор, человек исключительной энергии - и его отлично слаженный аппарат сумели справиться со всеми трудностями. Чтобы ускорить перевозки, использовались все средства. Прокладывались новые пути. На полуразрушенных железнодорожных ветках, где нельзя было использовать паровозы, вагоны двигались на конной тяге. Днём и ночью по дорогам шли автомашины, тянулись повозки. Исключительный героизм проявляли железнодорожники Курского узла, под разрывами бомб устранявшие разрушения, причинённые вражеской авиацией. Большую помощь в ликвидации последствий бомбёжек, в прокладке обводных путей и в работах оборонного характера оказывали жители Курска.

Курские рабочие своими силами создали мастерские по ремонту танков, автомашин, артиллерийского оружия. Тысячи местных жителей влились в наши войска. И все-таки людей не хватало. Снова сокращаем обслуживающий персонал тыловых частей. Люди приходят и из госпиталей и медсанбатов - раненые, едва окрепнув, спешат в свои подразделения.

К лету нам удалось довести численность стрелковых дивизий до 4,5-5 тысяч человек. И лишь отдельные дивизии - их было не более четырёх - насчитывали до 6-7 тысяч.

Вторая половина июня ознаменовалась особенно сильными воздушными боями. Бывали дни, когда в воздухе с обеих сторон участвовало одновременно свыше сотни самолетов, и все это происходило на сравнительно небольшом участке неба. С нашего командного пункта мы имели возможность наблюдать волнующую картину воздушных схваток.

Заметили мы, что вражеские самолёты-разведчики стали часто появляться и над селом, где располагался наш КП. Жили мы в крестьянских домах. Поэтому на всякий

случай возле каждой избы были вырыты щели для укрытия от осколков и пуль. То, что не позаботились о блиндажах, было, конечно, нашим большим упущением. Дом, в котором я остановился, стоял против ворот, ведущих в монастырский парк. Неподдалёку возвышались два больших тополя. Одним словом, дом был очень приметен. Но обратили мы внимание на это лишь тогда, когда зачастили немецкие самолёты. Решили сменить место КП, да все некогда было.

Обычно поздно вечером я просматривал шифровки, а затем шёл ужинать в столовую Военного совета, помещавшуюся в соседнем доме. Но однажды я почему-то не стал ожидать у себя шифровальщика, а, позвонив ему, попросил, чтобы он принёс шифровки в столовую. Вскоре туда же пришли Казаков, Малинин, Телегин и еще некоторые работники штаба. Ровно в 23 часа шифровальщик принёс депеши. В это же время пролетел немецкий самолёт, сбросил осветительные бомбы, а затем послышался шум еще одного самолёта и свист сброшенных им бомб. Я успел лишь подать команду “Ложись”. Все легли на пол, и тут же прогремел оглушительный взрыв... Комната наполнилась пылью от осыпавшейся штукатурки. Со звоном разлетелись стекла. Вслед за этим взрывом последовал второй, но уже дальше. Из нас никто не пострадал. Однако от дома, где я жил, ничего не осталось - он был снесён второй бомбой. Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает.

Все же не обошлось без жертв. Осколком бомбы был убит часовой, находившийся недалеко от моего дома, и ранены второй часовой и младший адъютант, успевшие спрыгнуть в щель.

Пришёл генерал Г. Н. Орёл. Растерянно разводя руками, сказал: “Ну и дела!” Оказывается, увидев повешенные фашистским лётчиком “люстры”, он спрятался в щель, а потом не выдержал и снова вернулся к себе в дом. Именно в это время раздался взрыв бомбы. Она угодила точнехонько в щель, в которой только что сидел генерал. Да, на войне многое зависит от случая.

- И как вы догадались уйти из щели? - спросил кто-то. Григорий Николаевич засмеялся:

- Знаете, уж очень там тесно и холодно было, как будто в могилу попал и тебя сейчас заруют. Плюнул я и вылез: если уж погибать, так лучше дома, в тепле...

Смех смехом, а рисковать больше мы не имели права. Усложнившаяся обстановка не давала возможности перенести КП. Решили здесь зарыться в землю. Заботами начштаба фронта Малинина и начальника инженерной службы Прошлякова в парке бывшего монастыря были быстро оборудованы хорошие блиндажи, куда мы и перешли.

А тучи все сгущались. В конце июня стали поступать данные о крупных передвижениях немецких бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений. Они подтягивались к переднему краю. Артиллерийская и воздушная разведки засекали все новые артиллерийские позиции, скопления вражеских танков в балках и рощах вблизи переднего края.

2 июля Ставка предупредила: противник вот-вот перейдёт в наступление. Это было уже третье предупреждение. Первое мы получили 2 мая, второе - 20 мая.

В ночь на 5 июля в полосе 13-й и 48-й армий были захвачены немецкие сапёры, разминировавшие минные поля. Они показали: наступление назначено на три часа утра, немецкие войска уже заняли исходное положение.

До этого срока оставалось чуть более часа. Верить или не верить показаниям пленных? Если они говорят правду, надо уже начинать запланированную нами артиллерийскую контрподготовку, на которую выделялось до половины боевого комплекта снарядов и мин.

Времени на запрос Ставки не было, обстановка складывалась так, что промедление могло привести к тяжёлым последствиям. Присутствовавший при этом представитель Ставки Г. К. Жуков, который прибыл к нам накануне вечером, доверил решение этого вопроса мне. Благодаря этому я смог немедленно дать распоряжение командующему артиллерией фронта об открытии огня.

В 2 часа 20 минут 5 июля гром орудий разорвал предрассветную тишину, царившую над степью, над позициями обеих сторон, на обширном участке фронта южнее Орла.

Наша артиллерия открыла огонь в полосе 13-й и частично 48-й армий, где ожидался главный удар, как оказалось, всего за десять минут до начала артподготовки, намеченной противником.

На изготовившиеся к наступлению вражеские войска, на их батареи обрушился огонь свыше 500 орудий, 460 миномётов и 100 реактивных установок М-13. В результате противник понёс большие потери, особенно в артиллерии, нарушилась его система управления войсками.

Немецко-фашистские части были застигнуты врасплох. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление. Это, естественно, спутало его планы, внесло растерянность в ряды немецких солдат. Врагу потребовалось около двух часов, чтобы привести в порядок свои войска. Только в 4 часа 30 минут он смог начать артиллерийскую подготовку. Началась она ослабленными силами и неорганизованно.

В 5 часов 30 минут орловская группировка немецко-фашистских войск перешла в наступление на 40-километровом фронте всей полосы обороны 13-й армии и на примыкавших к ней флангах 48-й и 70-й армий.

В первый день наступления противник ввел в бой массу танков, в том числе “тигров”, и тяжёлых самоходных артиллерийских установок “фердинанд”.

Наступление поддерживалось сильным артиллерийским огнём и ударами авиации с воздуха. До 300 бомбардировщиков, действуя группами по 50-100 самолетов, бомбили всю тактическую глубину нашей обороны, и главным образом огневые позиции артиллерии. Ожесточённые бои развернулись на ольховатском направлении, на участке 81-й и 15-й стрелковых дивизии 13-й армии. Здесь противник наносил главный удар силами трёх пехотных и двух танковых дивизий. Атака поддерживалась большим числом самолетов.

В боевых порядках танковых труппа следовала пехота на бронетранспортёрах и в пешем строю.

Немецкое командование, видимо, рассчитывало повторить атаку, подобную той, которую оно предприняло летом 1942 года из района Курска в направлении на Воронеж. Однако враг жестоко просчитался: время было не то.

Наша артиллерия, миномёты, “катюши” и пулемёты встретили наступавших сильным огнём. Орудия прямой наводки и противотанковые ружья в упор расстреливали вражеские танки. Активно действовала и наша авиация.

Завязались тяжёлые, упорные бои. Попадая на паши минные поля, вражеские танки подрывались один за другим. Идущие за ними машины по их следам продолжали преодолевать заминированные участки. “Тигры” и “фердинанды” своим огнём прикрывали действия средних танков и пехоты.

Атакующие этой стальной лавиной, наши войска самоотверженно сражались, используя все средства поражения врага. Против танков применялись и 45-миллиметровые пушки. Броню “тигров” они пробить не могли. Стреляли с близкого расстояния по гусеницам. Сапёры и пехотинцы под ураганным огнём подбирались к остановившимся вражеским машинам, подкладывали под них мины, забрасывали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Стрелковые подразделения в это время своим огнём отсекали следовавшую за танками пехоту и контратаками истребляли её. Четыре ожесточённые атаки были успешно отбиты воинами 13-й армии, и только в результате пятой атаки, когда противник ввел свежие силы, ему удалось ворваться в расположение 81-й и 15-й стрелковых дивизий. Наступило время поддержать эти соединения авиацией. Командующему 16-й воздушной армией был отдан приказ нанести удар по прорвавшемуся противнику. Руденко поднял в воздух более 200 истребителей и 150 бомбардировщиков. Их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке, что позволило перебросить сюда 17-й стрелковый корпус, две истребительно-противотанковые и одну миномётную бригады. Этими силами удалось задержать продвижение врага.

Несмотря на то, что противник нанёс удар огромной силы, ему в первый день боев удалось вклиниться в нашу оборону только на 6-8 километров.

По имевшимся у нас данным, можно было судить, что немецкое командование ещё не ввело в сражение всех сил своей главной группировки, и на следующий день нужно было ожидать новых мощных ударов. В ночь на 6 июля я доложил Ставке обстановку. Верховный Главнокомандующий тут же сообщил мне, что для усиления фронта из его резерва нам передаётся 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С. Т. Трофименко. Это сообщение сильно нас обрадовало. Для встречи армии были высланы офицеры штаба. Но радость оказалась преждевременной. Утром мы получили второе распоряжение: 27-ю армию, не задерживая, направить в распоряжение Воронежского фронта в связи с угрожающим положением в районе Обояни. Ставка предупредила, чтобы мы рассчитывали только на свои силы. При этом на нас возлагалась дополнительная

задача - оборона Курска, в случае если противник прорвётся с юга, с участка Воронежского фронта.

- Имейте в виду, - сказал Сталин, - положение вашего левого соседа тяжёлое, противник оттуда может нанести удар в тыл ваших войск.

Пришлось срочно изыскивать средства, чтобы подкрепить это направление.

Выход был один - стянуть войска на угрожаемый участок за счёт ослабления армий, находившихся на вершине Курского выступа. Командующему 60-й армией И. Д. Черняховскому было приказано дивизию, находившуюся в его армейском резерве, срочно направить в резерв фронта. Фронтным транспортом в течение суток она была перевезена со всем своим вооружением к месту назначения. Из резерва фронта в район Курска выдвигался 9-й танковый корпус.

Для усиления стыка между 13-й и 70-й армиями были переброшены два танковых полка из 65-й армии. Не могу не упомянуть о реакции командарма П. И. Батова на моё распоряжение: он стал доказывать, что без этих полков он не сумеет остановить противника, если тот перейдёт в наступление. Пришлось поставить контрвопрос: что опаснее для 65-й армии - удар противника с фронта или выход на её тылы? Дополнительных разъяснений не потребовалось. Танковые полки были быстро направлены в указанный район.

В первый день сражения на нашем фронте отчётливо определилось направление главного удара противника. Основные усилия он направлял не вдоль железной дороги, как это предусматривалось вторым вариантом (предположение) нашего плана обороны, а несколько западнее, на Ольховатку.

Вследствие этого пришлось отказаться от маневра фронтными резервами, так как для его проведения не хватало времени. Решено было как можно скорее нанести короткий, но сильный контрудар по вклинившемуся в вашу оборону противнику, использовав для этого 17-й гвардейский стрелковый и 16-й танковый корпуса.

На рассвете 6 июля наша артиллерия и авиация обрушили огонь на вражеские войска, а предназначенные для контрудара общевойсковые соединения перешли в наступление. Части 17-го корпуса продвинулись на два километра. Здесь к ним присоединились подразделения 15-й и 81-й дивизий, вот уже вторые сутки сражавшиеся в окружении. На разных участках здесь держались два батальона, семь рот, одиннадцать взводов и много отдельных небольших групп солдат во главе со своими офицерами. Занимая выгодные позиции, они не дрогнули, когда их обошли вражеские танки. Нанося противнику удары в спину, эти герои замедляли его продвижение. Гитлеровцы бросали против них крупные силы. Но советские солдаты стойко отбивали атаки вражеских танков и пехоты. Смелчаки сильно помогли нашим контратакующим частям, которые вовремя подоспели им на выручку. Теперь эти бойцы и командиры влились в наступающие подразделения и устремились вперёд.

Однако наше продвижение вскоре приостановилось. Противник успел ввести свежие силы. 250 немецких танков и большое количество пехоты атаковали позиции

корпуса. Упорно обороняясь, наши части отошли в исходное положение. Попытка противника на плечах наших отходящих войск ворваться в расположение второй полосы обороны была отражена.

Хотя предпринятый нами контрудар частями 17-го стрелкового корпуса не оправдал ожиданий, он помешал противнику продвинуться на ольховатском направлении. Это предопределило провал наступления орловской группировки немцев. Мы выиграли время для того, чтобы сосредоточить необходимые силы и средства на наиболее угрожаемом направлении.

Не добившись успеха 6 июля в центре и на левом фланге нашей 13-й армии, противник с утра 7 июля перенёс основные усилия на Поньри. Здесь у нас был мощный узел обороны, опираясь на который наши войска могли наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Ольховатку. Оценив значение этого узла, немецкое командование решило во что бы то ни стало разделаться с ним, чтобы облегчить себе продвижение на юг. Но мы своевременно разгадали замысел врага и подтянули сюда войска с других участков.

Чтобы усилить противотанковую оборону Поньрей и поддержать артиллерией сражавшиеся здесь части 307-й стрелковой дивизии генерал-майора М. А. Еншина, были выделены 5-я артиллерийская дивизия прорыва, 13-я истребительно-противотанковая и 11-я миномётная бригады, а также 22-я гвардейская бригада тяжёлой реактивной артиллерии. Здесь же были сосредоточены и части 1-й гвардейской инженерной бригады. Ночью они заняли позиции в полосе 307-й стрелковой дивизии.

С рассветом 7 июля противник начал атаки на Поньри. Разрывы тысяч бомб, снарядов и мин, грохот орудий, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясали землю.

Самоотверженно сражались наши артиллеристы, отражая атаки танков. Командиры твёрдо держали в своих руках управление, уверенно руководили подразделениями и частями. Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы. Здесь отличились тысячи бойцов, командиров и политработников. Трудно найти слова, чтобы воздать должное их мужеству и героизму. Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хвалёные “тигры” и “фердинанды” в бесформенные груды исковерканного металла. С помощью артиллеристов мужественно сражавшиеся полки 307-й стрелковой дивизии отбили пять атак противника.

Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага сапёры. Они славно потрудились на оборонных работах и выше всякой похвалы действовали теперь, отражая наступление противника. Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преградили подвижные сапёрные отряды.

Активно взаимодействовала с наземными войсками наша авиация. Разведкой было установлено, что в долине у Поньрей противник сосредоточил для новой атаки сотни полторы танков и большое количество мотопехоты. Мы обрушили по ним огонь сотен

орудий, а Руденко направил туда 120 штурмовиков и бомбардировщиков. Этот налёт нанёс врагу огромный урон, и его атака была сорвана.

Во второй половине дня над полем боя появилась фашистская авиация, которая начала интенсивно бомбить наши войска. Под ее прикрытием противник снова пошёл в атаку. Ценой больших потерь ему удалось в некоторых местах немного продвинуться вперёд, а два его батальона при поддержке 50 танков даже ворвались на северную окраину Поньрей. Но это был лишь кратковременный успех. Контратакой наших войск оба вражеских батальона были разгромлены и положение восстановлено.

Несмотря на тяжёлые потери, враг продолжал штурм. Вечер не принёс передышки. Немецко-фашистское командование бросило на Поньри еще два полка пехоты и 60 “тигров”. Им удалось потеснить 307-ю дивизию. Однако, приведя в течение ночи свои части в порядок, дивизия с утра перешла в контратаку и вернула прежние позиции. Противник, понеся большие потери, был отброшен, а Поньри остались в наших руках.

В течение 7 и 8 июля не стихали бои и на ольховатском направлении. Вражеская пехота при поддержке танков непрерывно атаковала нашу оборону. Но части 17-го гвардейского стрелкового корпуса и 2-й танковой армии, фронтовая артиллерия и авиация отразили натиск. Стойкость, массовый героизм наших солдат и офицеров остановили врага.

К исходу третьего дня сражения почти все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении своего главного удара. Можно было ожидать, что он попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдёт даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Чем удержать его? И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв - 9-й танковый корпус генерала С. И. Богданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. Это было полностью укомплектованное соединение, наша надежда и гордость.

Я сознавал, чем нам грозит этот маневр при неудаче. Ведь у соседа фронт дал трещины. Оттуда, с юга, всегда можно было ожидать вражеского удара. Но мы послали Ватутину свою 27-ю армию. Учитывал я и то, что позади войск Воронежского фронта находится Резервный фронт и в критическую минуту Ставка поможет Ватутину.

В ночь на 8 июля 9-й танковый корпус был подтянут на главное направление.

8 июля в 8 часов 20 минут до 300 вражеских танков при поддержке артиллерийско-миномётного огня и ударов авиации атаковали наши позиции северо-западнее Ольховатки на стыке 13-й и 70-й армий. Враг ворвался в боевые порядки пехоты. Здесь успела с ходу занять позиции 3-я истребительная артиллерийская бригада полковника В. Н. Рукосуева. Артиллеристы встретили гитлеровцев огнем прямой наводки.

Для характеристики напряжённости этого боя приведу лишь один пример. На батарее капитана Г. И. Игишева двигалось почти три десятка танков. Артиллеристы приняли неравный бой. Четыре орудия, подпустив врага на дистанцию 600-700 метров, открыли огонь. Артиллеристы уничтожили семнадцать танков. Но и от нашей батареи

осталось всего одно орудие, а возле него - три человека. Они продолжали вести огонь и подбили еще два тяжёлых танка. Противник вынужден был отойти. Совместными героическими действиями всех родов войск вражеская атака была отбита. В этом бою во второй половине дня принимали участие и танки 9-го танкового корпуса.

Успешно были отражены атаки и на других участках фронта.

Действуя активно на всем участке нашего правого крыла, противник попытался нанести удар в стык 48-й и 13-й армий, но и здесь у него ничего не вышло.

Вражеский натиск стал заметно ослабевать. К 11 июля фашистские войска, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление. За шесть дней непрерывных атак противнику удалось вклиниться в пашу оборону всего от 6 до 12 километров.

Таким образом, войска Центрального фронта выполнили задачу. Упорным сопротивлением они истощили силы врага и сорвали его наступление. Северной группе немецко-фашистских войск, наступавшей с Орловского выступа силами восьми пехотных, шести танковых и одной моторизованной дивизий при поддержке 3500 орудий и свыше 1000 самолетов, не удалось прорваться навстречу своей южной группе, пробивавшейся на Южном фланге Курской дуги.

Наш левый сосед - Воронежский фронт тоже остановил врага, которому здесь удалось вклиниться на 35 километров. Ватутину хорошо помогли резервы, созданные Ставкой. Войска Воронежского фронта постоянно усиливались частями из Степного военного округа, преобразованного 9 июля в Степной фронт. А затем этот фронт перешел в наступление и отбросил врага на прежние позиции.

Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них, потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств. Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: Он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей полосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки. Говоря об оборонительных боях войск Центрального фронта на Курской дуге, мне хочется оттенить некоторые характерные моменты. Прежде всего - роль представителя Ставки. Г. К. Жуков долго был на Центральном фронте в подготовительный период, вместе с ним мы решали принципиальные вопросы организации и ведения оборонительных действий и контрнаступления. Не без его помощи были удовлетворены тогда многие наши запросы, адресовавшиеся в Москву. А в самый канун битвы он опять прибыл к нам, детально ознакомился с обстановкой и утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, доложил Сталину: командующий фронтом управляет войсками твёрдо, с задачей справится самостоятельно. И полностью передал инициативу в мои руки.

В ходе боев наш штаб держал самую тесную связь с Генеральным штабом, достаточно полно информируя его о положении на фронте.

Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься и о месте командующего. Многие большие начальники придерживались взгляда, что плох, тот командующий армией или фронтом, который во время боя, руководит войсками, находясь большее время на своём командном пункте, в штабе. С таким утверждением нельзя согласиться. По-моему, должно существовать одно правило: место командующего там, откуда ему удобнее и лучше всего управлять войсками.

С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своём КП. И только благодаря этому мне удавалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки.

Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки.

* * *

Нашему Центральному фронту 15 июля предстояло двинуться вперед своим правым флангом.

В этой операции, разработанной Ставкой, одновременно с Брянским фронтом, которым уже командовал не М. А. Рейтер, а генерал-полковник М. М. Попов, приняли участие и армии левого крыла Западного фронта - они наносили удар в южном направлении. Навстречу им на северо-запад, на Кромы, должны были наступать войска правого крыла Центрального фронта. Брянский фронт наносил два удара с задачей рассечения орловской группировки противника и охвата Орла с севера и юга.

Таким образом, замысел операции сводился к раздроблению вражеской группировки и уничтожению ее по частям. Но при этом не было учтено, что такие действия чрезмерно рассредоточивают наши силы. Мне кажется, что было бы проще и вернее нанести два основных мощных удара с севера и юга на Брянск под основание Орловского выступа. Но для этого надо было дать время, чтобы войска Западного и Центрального фронтов произвели соответствующую перегруппировку. В действительности же снова была проявлена излишняя поспешность, которая, по-моему, не вызывалась сложившейся обстановкой. В результате войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки. Стремительного броска не получилось. Операция приняла затяжной характер. Вместо окружения и разгрома противника мы, по существу, лишь выталкивали его из Орловского выступа. А ведь, возможно, все сложилось бы иначе,

если бы мы начали операцию несколько позже, сконцентрировав силы на направлении двух мощных, сходящихся у Брянска ударов.

Мне кажется, что недостаточно было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме немецкие войска находились свыше года и успели создать здесь прочную, глубоко эшелонированную оборону. В последнее время орловская группировка противника значительно пополнилась соединениями, переброшенными с других участков фронта и с запада. Правда, эти войска понесли тяжёлые потери во время наступления, но даже в таком состоянии они значительно усиливали оборону плацдарма. Чтобы поднять дух своих солдат, гитлеровское командование объединило войска 2-й танковой и 9-й армий, занимавших Орловский выступ, под началом генерал-полковника Моделя, который пользовался особым доверием Гитлера и слыл непревзойдённым мастером обороны, особенно после длительных боев на ржевско-вяземском плацдарме. К нам в руки попал приказ этого генерала в связи с вступлением в командование. Приказ начинался так: “Солдаты, я с вами!”

Перейдя в наступление своим правым флангом - все теми же 48, 13 и 70-й армиями, значительно ослабленными в тяжёлых оборонительных боях, - войска Центрального фронта стали медленно продвигаться вперёд, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи. Нам в буквальном смысле слова приходилось прогрызать одну позицию за другой. Противник применял подвижную оборону: пока одни его части оборонялись, другие занимали новый рубеж в 5-8 километрах. Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось еще достаточно. Широко применял он маневр силами и средствами по внутренним линиям своей обороны.

С трудом продвигались вперёд и войска Брянского и Западного фронтов. Прорвать оборону противника на всю глубину им не удавалось. Не под силу оказалось этой переданной из резерва Ставки 3-й гвардейской и 4-й танковым армиям.

Одна из этих армий-3-я гвардейская танковая вскоре прибыла к нам для использования в направлении на Кромь. Командовал ею генерал П. С. Рыбалко, которого я знал с 1926 года: мне тогда довелось служить инструктором в монгольской Народной армии, а Рыбалко возглавлял в Улан-Баторе отдельный кавалерийский эскадрон при советском посольстве. Позже Павел Семёнович был политработником, а потом, закончив соответствующие курсы, перешел на командную должность. Командиром он был хорошим, боевым и решительным. Но ни он, ни его подчинённые еще не успели оправиться после трудных боев на Брянском фронте. Именно поэтому, несмотря на все усилия, танкистам не удалось преодолеть сопротивление противника. Чтобы избежать неоправданных потерь, я обратился в Ставку с просьбой вывести танковую армию Рыбалко в резерв. Впоследствии гвардейцы-танкисты прославились выдающимися боевыми успехами, действуя в составе Воронежского фронта.

Наступление развивалось медленно. Тем не менее, мы и войска соседнего Брянского фронта упорно, шаг за шагом продвигались вперёд.

По сведениям партизан, подтверждавшимся показаниями пленных, противник продолжал перебрасывать на орловский плацдарм все новые соединения с других участков. Особенно он усиливал свои фланги, способствуя этим планомерному отходу войск, оборонявшихся в вершине выступа.

Общими усилиями трёх фронтов-Западного и Центрального, наносивших удары с севера и юга, и Брянского, наступавшего с востока, - орловская группировка вражеских войск была разгромлена. 5 августа дивизии Брянского фронта освободили Орёл. А к 18 августа войска Центрального фронта во взаимодействии с Брянским фронтом изгнали гитлеровцев со всего Орловского выступа и подошли к мощному вражескому рубежу "Хаген".

3 августа перешли в наступление войска Воронежского и Степного фронтов. 5 августа был освобождён Белгород. В ознаменование освобождения Орла и Белгорода вечером 5 августа в Москве был произведён первый в истории Великой - Отечественной войны артиллерийский салют. Родина славил войска Центрального, Воронежского, Брянского, Западного и Степного фронтов, доблестно выполнивших свои боевые задачи.

Наступило время, когда руководимые Коммунистической партией советский народ и его Вооружённые Силы добились коренного перелома в ходе войны. Инициатива бесповоротно перешла в руки нашего командования.

Героическим трудом народа Красная Армия все в большей мере оснащалась вооружением и техникой. Совершенствовалась организационная структура войск. Выросли новые кадры опытных, закалённых в боях командиров и политработников. Весь народ горел желанием скорее победить ненавистного врага. После Курской битвы советские люди увидели: этот час приближается.

ВОССТАНОВЛЕННАЯ ЧАСТЬ ГЛАВЫ

Подводя некоторые итоги оборонительного сражения на Курской дуге войск Центрального фронта, мне хочется отметить характерные моменты, о которых я и раньше упоминал, поскольку считаю их принципиальными и они меня всегда беспокоили. Первый из них - роль представителей Ставки. У нас был Г.К. Жуков. Прибыл он к нам вечером накануне битвы, ознакомился с обстановкой. Когда зашел вопрос об открытии артиллерийской контрподготовки, он поступил правильно, поручив решение этого вопроса командующему фронтом.

Утром 5 июля, в разгар развернувшегося уже сражения, он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твёрдо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал.

Был здесь представитель Ставки или не было бы его - от этого ничего не изменилось, а, возможно, даже ухудшилось. К примеру, я уверен, что если бы он находился в Москве, то направляемую к нам 27-ю армию генерала С.Т. Трофимова не стали бы передавать Воронежскому фронту, значительно осложнив тем самым наше положение.

К этому времени у меня сложилось твёрдое убеждение, что ему, как заместителю Верховного Главнокомандующего, полезнее было бы находиться в Ставке ВГК.

Второй важный момент - отношения Генерального штаба со штабами фронтов. Считаю, что с нашей стороны поступала достаточно полная информация. Но вот некоторые работники Генерального штаба допускали излишнее дёрганье, отрывали от горячего дела офицеров штаба фронта, в том числе и его начальника, требуя несущественные сведения или выясняя обстоятельства того или иного события в не установленное планом время.

В самой напряжённой обстановке Малинин (начальник штаба фронта) трижды вызывался из Генштаба к проводу для сообщения о занятии противником малозначащей высоты на участке одного из полков 70-й армии. Я бы постеснялся по этому вопросу вызывать к проводу начальника штаба дивизии, не говоря уже об армии.

Нередко из Москвы, минуя штаб фронта, запрашивались сведения от штабов армий, что влекло за собой перегрузку последних, поскольку им приходилось отчитываться и перед непосредственным командованием. Узнав о подобных фактах, я вынужден был вмешаться и в решительной форме потребовать прекратить вредную практику.

Представителям крупных штабов нужно понимать и учитывать сложность обязанностей офицеров штабов более низкого звена, а также их чрезмерную занятость, особенно во время напряжённого боя, и не отрывать от работы по мелочам.

Установленная форма (кто, когда, кому и о чем доносит) должна соблюдаться и не нарушаться в первую очередь высшими штабами.

Упомянув о наблюдавшейся тенденции со стороны Генерального штаба управлять или добывать сведения от войск, минуя командование фронта, должен сказать, что в этом была погрешна и Ставка. На третий день боя меня вызвал к проводу А.М. Василевский и сообщил, что командующий 70-й армией Галанин болен, так как не мог ему членораздельно доложить об обстановке на участке армии. Доложив Василевскому последние данные о положении 70-й армии, я счёл нужным выехать туда лично. Прибыв в армию, никакой “крамолы” не нашёл. Нормальным оказалось и здоровье Галанина.

В этом тоже было проявлено определённое недоверие, о котором я уже говорил, к командующему фронтом. Все эти тенденции особенно проявлялись со стороны представителей Ставки, находившихся при том или ином фронте.

Считаю, что такие вопросы, как разработки крупной стратегической операции с участием нескольких фронтов или отработка взаимодействия между ними, целесообразно рассматривать в Ставке путём вызова туда командующих соответствующими фронтами. Кстати, впоследствии и делалось, что приносило существенную пользу.

Я увлёкся рассуждениями и уклонился от событий фронте. А они в первой половине июля складывались следующим образом. Пользуясь достигнутым успехом, без перегруппировки перейдя в контрнаступление, соединения 48, 13 и 70-й армий коротким

ударом отбросили противники на его прежние позиции и вышли на рубеж, занимаемый ими до начала вражеского наступления.

Центральному фронту предстояло с 15 июля перейти в наступление своим правым флангом в общем направлении на Кромы и во взаимодействии с Брянским фронтом, который перешел в наступление 12 июля, ликвидировать противника в районе орловского выступа. В то же время войска Западного фронта наносили удар в южном направлении в целях отсечения вражеской группировки в районе Орла.

Таким образом, весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один - с севера, второй - с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой. Поэтому-то войска на решающих направлениях (Западного и Центрального фронтов) не сумели подготовиться в такой короткий срок к успешному выполнению поставленных задач и операция приняла затяжной характер. Происходило выталкивание противника из орловского выступа, а не его разгром. Становилось досадно, что со стороны Ставки были проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, то есть, повторяю, нанести два удара под основание орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже.

Мне кажется, что Ставкой не было учтено и то обстоятельство, что на орловском плацдарме неприятельские войска (2-я танковая и 9-я армии) находились свыше года, что позволило им создать прочную, глубоко эшелонированную оборону.

Кроме того, к началу нашего наступления орловская группировка противника значительно усилилась.